

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

В.К. ЛУКАШЕВИЧ

РАЦИОНАЛЬНЫЙ БАЗИС НАУКИ: ПОТЕНЦИАЛ ПРАКСЕОЛОГИЧЕСКОГО ВЫБОРА*

Понятие «базис» (от греч. basic — основание) в методологии науки наиболее широко используется для характеристики одного из элементов эмпирического исследования, получившего название «эмпирический базис» — совокупность данных наблюдений и экспериментов, а также сопряженных с ними сведений исторического и статистического характера в исследуемом объекте. Считается, что в названных формах представлена та часть знания об исследуемой реальности, которая сохраняет свое инвариантное значение в русле дальнейших эмпирических и теоретических исследований и в определенной мере оказывает влияние на процесс формирования знаний метатеоретического уровня, прежде всего, научной картины исследуемой реальности. В достаточно определенном смысле и практически столь же постоянно употребляется понятие «теоретический базис научного исследования», которое охватывает содержание теории, воспроизводящей специфику конкретной предметной области, если теория существует, а также несистематизированный понятийный аппарат, гипотезы и принципы, направляющие исследовательскую работу, если теория не создана.

Известно, что эмпирическое знание в целом, соответственно и эмпирический базис, включают в свой состав элементы, существенно различающиеся по своему генезису и когнитивному статусу, что их принципиально неудалимым, точнее, необходимым элементом являются рациональные (умственные, интеллектуальные, интеллигентные) образования. Эти элементы, обуславливающие интенциональность психических процессов, создающие механизмы целеполагания, корректирующие протекание когнитивных процессов в соответствии с заданными интенциями и т. д. [1–3], могут быть квалифицированы как рациональный базис научного исследования. Часть их представлена системой метатеоретического знания (включающего научную картину исследуемой реальности, идеалы и нормы научного исследования и философские обоснования науки), которое определяет тип научной рациональности и ориентирует исследователя на органическую сопряженность его познавательных действий, операций, процедур с характером исследуемой реальности и познавательными целями [4; 5]. Общеизвестным

Владимир Константинович ЛУКАШЕВИЧ, доктор философских наук, профессор кафедры философии Белорусского государственного экономического университета.

*Работа подготовлена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект № Г 12-094).

также является факт влияния языковых структур на рациональные основания научного исследования, в русле которого формируются ключевые смысловые контексты представления знаний. Наиболее детально это выражено в тезаурусной и фреймовой концепциях организации знания [6, 163–167; 7]. К одной из форм рациональной организации знания относят познавательную традицию [8; 9].

Эти факты индуцируют вопросы о полноте содержательного понимания рационального базиса научного исследования и науки в целом, механизмах генезиса и функционирования его продуктивного потенциала в когнитивных процессах, аксиологическом значении и роли в условиях социального праксиологического выбора на основе научного знания в ключевых сферах жизнедеятельности общества (материальном производстве, в выборе экономических трендов, моделей социально-экономического и социально-политического уклада, ориентированности духовной жизни общества, общей направленности и развития инновационного комплекса, путей поддержания необходимого качества жизни людей, качества среды обитания и др.). Особо следует выделить вопрос о динамике содержания и регулятивном статусе рационального базиса науки в русле концепции открытой рациональности [10, 105–106; 11; 12], легитимизирующей масштабный релятивизм в понимании рациональности со всеми вытекающими отсюда реальными и потенциальными рисками праксиологического характера.

Цель данной работы состоит в раскрытии механизмов, обеспечивающих продуктивность регулятивного потенциала рационального базиса науки в праксиологическом аспекте для поиска четко обоснованных критериев выбора приемлемых решений в русле целеполагания и целенаправленной активности в различных сферах жизнедеятельности социума.

Исходной методологической посылкой анализа рассматриваемых вопросов является квалификация отмеченных механизмов как процесса креативного взаимодействия предметного, нормативного и рефлексивного знания, ориентированного на поиск регулятивных идей, ограничивающих релятивизм в понимании рациональности и фундирующих ключевые направления когнитивного и праксиологического поиска. Совокупность такого рода идей составляет потенциал продуктивного функционирования рационального базиса науки и фиксируется в виде представления о типах научной рациональности. Ключевым элементом каждого из них является рефлексивная составляющая, а глубина ее предметного содержания — критерием выделения самих типов.

В настоящее время доминирует типологическая концепция научной рациональности, в соответствии с которой на основании способа представленности в конкретном типе объективного, определяемого характеристиками исследуемой реальности, и субъективного содержания, генерируемого на основе предпочтений исследователя, выделяются три ее типа: 1) рациональность в классической науке; 2) рациональность в неклассической науке; 3) рациональность в постнеклассической науке [5; 13].

Классический тип научной рациональности включал при теоретическом описании и объяснении требование элиминации всего, что относится к субъекту, средствам и операциям его познавательной деятельности. Это считалось необходимым условием истинности (объективности) знаний. Но вместе с тем вне поля философско-методологической рефлексии оказывались цели науки, ее ценностные установки и др., т. е. фактически вся система метатеоретического (предпосылочного) знания в ее обусловленности доминирующими в культуре мировоззренческими представлениями, деятельностными установками и ценностными ориентациями. *Неклассический тип научной рациональности* отмечен требованием рефлексивного осмысления связей между знаниями об исследуемом объекте, с одной стороны, и знаниями о специфике используе-

мых познавательных средств и соответственно познавательных операций — с другой. Это один из основных критериев научности исследования и объективности (истинности) его результата. Но по-прежнему неэксплицированными оставались связи между внутринаучными и социокультурными ценностями и целями. *Постнеклассический тип научной рациональности* включает требования учитывать соотнесенность результата исследования как со спецификой познавательных средств и операций, так и с ценностно-целевыми структурами науки и социума в их взаимосвязи.

Наблюдаемое в приведенной типологии научной рациональности нарастание ценностно-целевых ориентаций — это следствие повышения уровня социализации науки. Такого рода ориентации и их прогрессирующая динамика наиболее тесно сопряжены с одной из основных функций научного познания — функцией создания искусственных объектов на основе знания, полученного в русле выполнения наукой ее других когнитивных функций (наблюдения, описания, объяснения, предсказания). О степени плотности и интенсивности отмеченного сопряжения в настоящее время можно судить даже по лингвистической реакции на это явление: оно стало основанием для введения в философско-методологический словарь термина «технонаука» [14, 5–9]. В контексте заявленной темы все это связано с вопросами: почему выбраны именно данные (конкретно указанные в научном исследовании) цели в области здравоохранения, экономики, управления, природоохранительной деятельности и др.; каковы механизм этого выбора в русле постнеклассического типа научной рациональности, место и роль в нем рационального базиса науки?

Соответственно на первый план здесь выходит выявление механизмов рационального целеполагания, т. е. выбора целей деятельности в этих сферах с учетом действия большого количества факторов. В их числе природные и социальные условия, социальные потребности, уровень их рефлексивного осмысления в широкой сфере общественного сознания, в том числе средствами научной рефлексии, и др. Главной проблемой в этом широком предметном контексте является поиск знаний, фундамирующих значимость (правомерность) выдвигаемых целей и их ожидаемую достижимость (реализацию) в виде социально востребованных процессов и объектов, т. е. знаний, позволяющих согласовать социальные потребности с реальными возможностями, которыми на данное время располагает социум в целом и в частности научное сообщество. Ключевое значение для ее решения имеет анализ взаимодействия вненаучной и внутринаучной рефлексии.

Названная проблема должна анализироваться в нескольких ключевых аспектах, которые на данное время обозначились достаточно отчетливо: во-первых, в широком русле исследований, объединяемых под названием «культура человеческих потребностей»; во-вторых, в рамках социального заказа науке.

В первом аспекте фундаментальное значение для рационализации целеполагания имели и по настоящее время имеют ограничительные регулятивы: своего рода табу (запреты, моратории, предубеждения). В своем генезисе это результаты рефлексивного осмысления всеми средствами общественного сознания существующего уклада жизни и его духовных (мировоззренческих) оснований, которые далее приобретают отчетливо выраженный нормативный характер. Впервые наиболее наглядно отмеченную связь рефлексивного и нормативного знания продемонстрировали аскетические концепции стоиков с их идеями самоограничения и смирения. Впоследствии такого рода ориентации в различных вариантах получили развитие в христианстве и многих современных неокультурах. Однако их история начинается гораздо раньше, фактически она происходит одновременно с процессом становления древних культур.

Известно, например, что в зороастризме не одобрялось развитие городского хозяйства (промыслов), а в джайнизме — занятие сельским хозяйством. В основе первого предубеждения лежало представление о возделанной земле как «магически чистой» сфере реальности, единственно достойной богоугодного занятия, второе базировалось на идее непричинения вреда живому (принцип ахимсы как радикальное обоснование усилий по обеспечению экологической безопасности социума). В отличие от архаических табу современные ограничительные регулятивы опираются не на мифические и полумифические мировоззренческие представления, а на систему предметных научных знаний. Наиболее показательны в этом отношении ситуации в сфере энергетики, химических производств и нанотехнологий.

Однако негативные регулятивы в сфере целеполагания не могут быть определяющими. Необходимы позитивные предметные знания, а также умение рефлексивно анализировать возможные тренды и последствия их практического применения в русле многогранной жизнедеятельности социума. Это в свою очередь связано с осмыслением усилий по преобразованию имеющейся реальности и созданию новых объектов, без чего его (социума) существование, по меньшей мере в условиях техногенной цивилизации, невозможно.

Соответственно необходима «привязка» такого рода ментальной деятельности к условиям жизнедеятельности конкретного социума который, отметим еще раз, по определению не может существовать, не создавая искусственную среду и в первую очередь систему искусственных объектов, отвечающих характеру его потребностей и выдвигаемых целей. Механизм такой привязки выражает содержание понятия «социальный заказ», в данном случае понятие «социальный заказ науке» на нововведения в сфере искусственной реальности, отвечающее потребностям социума. Его формирование предполагает, во-первых, осознание обществом неспособности существующих объектов (систем) выполнять социально востребованные функции в необходимом варианте; во-вторых, стимулирование объективного анализа сложившейся ситуации и выдвижение идей, фундирующих возможные направления поиска альтернатив существующему; в-третьих, выдвижение наиболее общих критериев приемлемости альтернатив. В итоге социальный заказ науке на нововведения формируется как общественно осознанная необходимость в создании на основе научного знания новых объектов (систем) в качестве альтернатив тому, что существует, которые обеспечивают устойчивое социально-экономическое развитие общества и его безопасность, гарантируют сохранение качества окружающей среды и генофонда социума, расширяют диапазон контактов их элементов со сферой культуры и возможности духовного роста [15; 16, 42—64].

Отмеченные характеристики социального заказа являются общими практически для каждого нововведения, поскольку нынешний уровень общественного сознания содержит развитую ценностную систему, ориентирующую на осмысление ближайших и долгосрочных последствий любого социального действия как непосредственно в данной сфере жизнедеятельности общества, так и в сопряженных с ней ключевых сферах, к которым в настоящее время относят хозяйственную сферу, природопользование и охрану окружающей среды, здравоохранение, образование, культуру. По названным характеристикам социального заказа его необходимо отличать от лоббируемых ведомственных интересов и проектов, а также предпочтений и требований определенных социальных групп (равно широких социальных слоев), основанных на инерции ценностных ориентаций социальной психологии (жить лучше, дольше, комфортнее, безопаснее и т. п.). Степень выраженности и содержание социальных предпочтений и требований могут

варьироваться в достаточно широком диапазоне: от архаичных до авангардных. В ситуациях дефицита ресурсов (знаний, вещественных материалов, материальных средств, энергии и др.) это очень аморфный ориентир, как и нередко аморфным (социально четко не выделенным) является их носитель (социальная группа или их определенная совокупность), а также далеко не всегда ясен их социально-аксиологический статус (в ряде случаев авангардные предпочтения и требования определенных социальных групп могут быть впоследствии квалифицированы как искусственные, завышенные, извращенные и т. п. потребности).

Вместе с тем социальный заказ на создание альтернативы в любом случае должен быть конкретизирован по определенным параметрам нововведений. В этом контексте актуализируется весь круг проблем, связанных с функцией искусственного воспроизведения реальности как одной из ключевых в современной науке. Сложность, масштабы и степень риска в процессах искусственного воспроизведения реальности в настоящее время столь высоки, что без основательного сопровождения данных процессов прогнозным осмыслением их просто опасно осуществлять. В настоящее время это выполняется в русле разработки форсайт-технологий, где необходимо располагать определенными знаниями о конкретных параметрах нововведений.

Конкретизация параметров альтернативы осуществляется одновременно с уточнением целей, которым она должна служить. В ходе этого процесса максималистские целевые установки, исходящие из сферы социальной психологии и интересов аксиологически экзальтированных лиц, как правило, элиминируются; все прочие претерпевают изменения коррелятивно имеющимся и планируемым средствам их достижения, а также соответственно сложившейся ситуации в целом (в ее социально-экономических, экологических, научно-технических, социокультурных, социально-психологических и других измерениях). Например, параметры новых энергетических установок далеко не всегда выдержаны по максимально достигаемым значениям. Чаще всего в рамках единого энергетического комплекса страны выбираются их определенные типы, адаптированные к возможностям страны в их создании и условиям эксплуатации, к экономически, экологически и технически оправданным пропорциям между используемыми типами (атомными станциями, гидроэлектростанциями, энергоисточниками на местном сырье, на возобновляемых и так называемых нетрадиционных источниках).

Степень осмысленности в социальном заказе параметров искусственно создаваемых объектов и целей, для достижения которых они создаются, определяет характер когнитивного пространства научных исследований, обслуживающих процессы искусственного воспроизведения реальности, в данном случае — создания объектов, включающих в свой состав разнокачественные фрагменты, появление которых в ходе естественной эволюции маловероятно. Это пространство включает разнокачественные знания о природной, искусственно созданной, социальной, социокультурной и духовной реальности, а также соответствующее характеру названных фрагментов проблемное поле, в котором предполагается вести поиск информации о создаваемом объекте.

Общая тенденция детерминации научного поиска в такого рода ситуациях прослеживается достаточно отчетливо: научное познание, обеспечивая информационное обоснование социального заказа науке, направляется сложноструктурированной системой рефлексивно осмысленных регулятивов, содержание которых воспроизводит опыт не только научных исследований, но и (через метатеоретическое знание, а также венаучную рефлекссию) культурный опыт. Ключевой элемент этой системы — рациональный базис науки, включающий

развитую рефлексивную составляющую. На этой основе обеспечивается не только рост знания, но и развитие регулятивных средств, обеспечивающих на основе прошлого опыта разработку новых регулятивов.

Имеются ли аналоги (такого рода механизмы) в сфере вненаучного познания? Минимально. Причем представлены они в качественно иной форме, а именно, в форме квазитеоретической рефлексии, которую необходимо отличать от научно-теоретической. Научно-теоретическая рефлексия — это критический анализ предпосылок, форм, методов и результатов деятельности человека в любой сфере (в том числе в познании), основанный на принципах системности, детерминизма, логической последовательности и доказательности. Квазитеоретическая рефлексия — это осмысление содержания названных элементов человеческой деятельности (в том числе специфики познавательных действий, осуществляемых преимущественно в сфере вненаучного познания* посредством представлений, выработанных в различных формах общественного сознания (прежде всего, в обыденном сознании, религии, искусстве, определенных течениях философии), где указанные принципы существенно трансформируются или нарушаются.

В сфере вненаучного знания можно найти аналоги (пусть даже весьма отдаленные) многим формам научного знания, что объясняется как условиями генезиса науки, так и историей конкурентного сосуществования вненаучного знания с научным знанием, из которого вненаучным знанием заимствовались определенное содержание по каналам интерпретации. Однако в механизме рефлексивного осмысления вненаучного знания такие аналоги весьма условны. Многочисленные утонченные рассуждения рефлексивного характера о правомерности оснований системы научного знания, критериях его истинности, механизмах приращения и применения здесь заменяет вера в догматы, предрассудки и некритическое (традиционное) принятие системы общих предписаний, оставляющих для действующего человека диапазон довольно широкого субъективного выбора, квалифицируемого чаще всего в нравственно-этическом ключе — между жизнью и смертью, добром и злом, ленью и трудолюбием, унынием и умеренным оптимизмом и т. д. И первое, и второе в своей основной части неизменны. Динамику заменяют имитации прямых предписаний, смягчающие их и адаптирующие к новым культурным условиям (условная жертва, мысленное действие взамен реального и др.).

Научное познание, всегда (точнее, с эпохи Античности) сопровождаемое рефлексивным осмыслением, динамично по обоим аспектам — предметно-когнитивному и рефлексивному. В праксиологическом плане эта динамика имеет достаточно отчетливо выраженную направленность — научное знание в целом и регулятивы его приращения в своем развитии ассимилируют все более широкий диапазон жизненных ситуаций, заполняя предлагаемыми научной способами и сценариями деятельности те «ниши неопределенности», которые регулятивами вненаучного познания отдавались под власть свободного выбора между добром и злом, верой и вероотступничеством, богоугодным и небогоугодным делом и т. д.

---

*Периодическая экспансия квазитеоретической рефлексии в сферу научного познания — самостоятельная тема, актуальность которой, на наш взгляд, возрастает, поскольку формы квазинаучной рефлексии со временем принимают все более изощренные варианты. Сравним достаточно прямолинейную теорию двойственной истины и принцип партийности в науке, с одной стороны, и методологическое обеспечение ангажированных социологических исследований — с другой. Последние включают элементы рефлексивного знания, должно придавать научную респектабельность результатам заведомо дезинформирующего характера. Такая ситуация расценивается как весьма тревожная, см. в частности [17, 5–20].

В то же время претензии и упреки общества в адрес науки по глобальным проблемам обостряются постоянно. Науке все более не доверяют в решении экологических проблем, преодолении энергетического и сырьевого кризиса и тем более социально-политического кризиса, характерного тем, что правительства всех стран все менее успешно контролируют ситуацию в своих странах. Еще более скептическое отношение к регулятивам, выработанным в сфере науки, в ситуациях выбора целей социального развития потерпели крах модели, основанные на коммунистической идеологии, и модель открытого общества. В социуме нарастает желание отстранить науку от целеполагания при всей ее способности видеть дальше и отчетливее.

Какая роль в таком случае остается за наукой с ее развитым и хорошо осмысленным рациональным базисом в ситуациях праксиологического выбора и его последующей реализации? По каким каналам она сможет влиять на эти процессы, используя свой мощный когнитивный и рационально обоснованный регулятивный потенциал? Во-первых, вряд ли наука будет иметь успех в очередном соревновании с вненаучными формами познания в сфере целеполагания, если, как и прежде, будет выдвигать концепции, имеющие явно выраженный телеологический характер, где ключевое значение имеют представления о «конечном пункте» процесса развития, который составит основу устойчивого состояния на долгую, практически необозримую перспективу (система природопользования, базирующаяся на биоцентристской концепции, экономический уклад, основанный на неолиберальных принципах, когнитивная парадигма, фундированная понятиями объективной и относительной истины, политическая модель, основанная на идее целей истории, и др.). Они в различной степени уместны, удобны и необходимы. Но ценность представляют в основном в качестве регулятивной идеи.

Во-вторых, научно обоснованные регулятивы праксиологического выбора сработают в сфере целеполагания и в последующей целенаправленной деятельности в том случае, если они будут активно подкрепляться научными данными, отражающими динамику процессов жизнедеятельности общества по определенным критериям и индексам, т. е. на основе анализа конкретных ситуаций и их развития в желаемом (или нежелательном) варианте. Это направление познавательной деятельности, в котором наука создала соответствующий инструментарий и где она вне конкуренции по производству информации, отражающей реальное положение вещей, и тот, более естественный реляционный контекст измерения процессов жизнедеятельности общества, чем абсолютная телеологическая система отчета, задающая одновекторные ориентации (земная жизнь как подготовка к вечной, история общества и его современное состояние как предыстория, подготовка к подлинной истории, переход из царства необходимости в царство свободы, где практически не остается места для конфликтов, зависимости от среды обитания, собственных аномалий и т. д.).

Наука, регулятивы которой с Нового времени генетически и эволюционно коррелировали с созидательно-экспансивными целевыми установками социума и детализацией их содержания применительно к условиям среды, специфике объектов деятельности, познавательных и практических потребностей и целей, всегда предлагала определенные средства, приемлемость которых тщательно обосновывалась ее рациональными ресурсами, хотя при этом не исключались ошибки и неоправданные предпочтения. Они объясняются не столько ангажированностью исследователей, соображениями личного и группового престижа ученых, сколько реальной трудностью, заключающейся в отсутствии отчетливо видимого механизма связи между социально

выдвигаемыми целями и накопленным научным знанием. Однако в ментальных схемах внеучебных социально практикуемых способов целополагания связь между заявленными целями и достоверным знанием об адекватных средствах их достижения представлена еще менее определенно (политики, моралисты, обыватели в этом плане, как правило, выглядели менее убедительно, чем ученые).

Учитывая наличие развитых каналов адаптации научных регулятивов к различным элементам познаваемой реальности, можно рассчитывать на то, что их потенциал и в более широком контексте конкретных сфер и ситуаций человеческой деятельности всегда будет более мощным и продуктивным по сравнению с продуктивной способностью регулятивов внеучебного познания. Гарантом этого являются, во-первых, основополагающая обращенность рационального базиса научных исследований (как и науки в целом) к предметному миру, во-вторых, его представленность и рефлексивная осмысленность в тех или иных формах на всех уровнях научного познания.

Литература

1. Лекторский, В.А. Научное и внеучебное мышление: скользящая граница / В.А. Лекторский // Научные и внеучебные формы мышления. — М.: Москва — Киль, 1996.
2. Розов, М.А. Инварианты эмпирического и теоретического знания / М.А. Розов // Философия науки. Вып.15. — М.: Ин-т философии РАН, 2010.
3. Шюц, А. Избранное: мир, светящийся смыслом: пер. с нем. и англ. / А. Шюц. — М.: Рос. полит. энцикл., 2004.
4. Степин, В.С. Идеалы и нормы в динамике научного поиска / В.С. Степин // Идеалы и нормы научного исследования. — Минск: Изд-во БГУ, 1981.
5. Степин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. — М: Прогресс-Традиция, 2003.
6. Шрейдер, Ю.А. Искусственный интеллект, рефлексивные структуры и антропный принцип / Ю.А. Шрейдер // Вопр. философии. — 1995. — № 7.
7. Минский, М. Фреймы для представления знаний: пер. с англ. / М. Минский. — М.: Энергия, 1979.
8. Кезин, А.В. Идеалы научности // А.В. Кезин // Философия и методология науки. — М.: Аспект-Пресс, 1996.
9. Касавин, И.Т. Познание в мире традиций / И.Т. Касавин. — М.: Наука, 1990.
10. Швырев, В.С. Рациональность в современной культуре / В.С. Швырев // Общественные науки и современность. — 1997. — № 1.
11. Порус, В.Н. Парадоксальная рациональность / В.Н. Порус. — М.: УРАО, 1999.
12. Рациональность на перепутье: в 2 кн. — М.: Рос. полит. энцикл., 1999.
13. Степин, В.С. Философская антропология и философия науки / В.С. Степин. — М.: Высш. шк., 1992.
14. Степин, В.С. Институциональные изменения в современной науке / В.С. Степин // Наука и инновации. — 2009. — № 12 (82).
15. Лукашевич, В.К. Социальный заказ на технику и технологии как фактор национального развития / В.К. Лукашевич // Между прошлым и будущим. Современный политический и социально-экономический процесс в Беларуси, России, Украине: материалы Междунар. конф., Минск, 10–11 мая 2000 г. / Белорус. гос. экон. ун-т; под ред. В.А. Бобкова. — Минск, 2000.
16. Лукашевич, В.К. Трансдисциплинарные исследования в контексте социального заказа науке / В.К. Лукашевич // Императивы творчества и гармонии в проектировании человекообразных систем: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 15–16 нояб. 2012 г. / Ин-т философии НАН Беларуси; науч. ред. совет: А.А. Лазаревич [и др.]. — Минск, 2013.
17. Здравомыслов, А.Г. Поле социологии: дилемма автономности и ангажированности в свете наследия перестройки / А.Г. Здравомыслов // Общественные науки и современность. — 2006. — № 1.

Статья поступила
в редакцию 22.11.2013 г.

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□□□.
□□□□□□□□□□.
□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□.